

Ю. О. Кальниченко

Победитель конкурса поддержки публикационной активности молодых исследователей (проект 3.1.2, ПСР РГПУ им. А. И. Герцена)

ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МНОГОКОМПОНЕНТНЫХ СЛОЖНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Новаторство лингвистической интерпретации многокомпонентных сложных высказываний выражается в пересмотре традиционных подходов к их изучению, в углублении представлений об их коммуникативно-структурном потенциале и его реализации в тексте В. В. Набокова.

Ключевые слова: многокомпонентное сложное высказывание, предложение, текст, коммуникативно-структурный потенциал, пунктуационно-графическая аранжировка, функционально-композиционные типы речи.

Yu. Kalnichenko

Tradition and Innovation in the linguistic interpretation of Multicomponent compound Sentences

Innovation linguistic interpretation of complex multicomponent statements is expressed in the revision of the traditional approaches to their studies, in the in-depth view of their communicative and structural capacity and its implementation in the text of the V. Nabokov.

Keywords: multicomponent compound sentence, sentence, text, communicative and structural potential, punctuation, graphic arrangement, functional and compositional types of speech.

С середины XX в., отмеченной настоящим «сложнопредложенческим бумом» [4], внимание лингвистов привлекают многокомпонентные сложные высказывания (далее — МСВ), состоящие из трёх и более предикативных частей. Они получили различную трактовку: как предложения большого объема, полипредикативные или смешанные сложные предложения, многочаст-

ные или контаминированные сложные синтаксические конструкции и пр.

Обращение к прозе современных писателей (В. Пелевина, Т. Толстой, Л. Улицкой и др.), а также писателей XX века, в частности В. В. Набокова, убеждает в том, что в их текстах встречается большое количество МСВ. Подобные высказывания наблюдаются и в произведениях классической литера-

туры (Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова), однако в современной прозе они получают дополнительные стимулы функционирования.

Несмотря на то, что в работах Г. Ф. Гавриловой [2], Г. Ф. Калашниковой [6], Г. П. Уханова [8] и других исследователей данные синтаксические единицы получили подробную характеристику, герметический подход к ним (в рамках предложения) в определенной мере себя исчерпал [7]. Он должен быть дополнен выходом в текст, что необходимо для разграничения собственно предложений и текстовых образований (сложного тематического целого, сложного синтаксического целого и др.), построенных на единстве микротемы, интонации, выражения текстовых категорий целостности, модальности, связности и членимости.

Таким образом, МСВ представляют собой: а) текстовые реализации сложных предложений, б) явления текста, не обладающие структурно-семантическим единством, но пунктуационно оформленные как предложения, прежде всего, с бессоюзной связью частей (здесь и далее — примеры из повести В. Набокова «Другие берега»):

(а) Когда, на таких поездках, Норд-Экспрессу случалось замедлить ход, чтобы величаво влачиться через большой немецкий город, где он чуть не задевал фронтонов домов, я испытывал двоякое наслаждение, которое тупик конечного вокзала мне доставить не мог.

(б) Знатоки различают несколько школ задачного искусства: англо-американская сочетает чистоту конструкции с ослепительным тематическим вымыслом; сказочным чем-то поражают оригинально-уродливые трехходовки готической школы; неприятны своей пустотой и ложным лоском произведения чешских композиторов, ограничивших себя искусственными правилами; в свое время Россия изобрела гениальные этюды, ныне же прилежно занимается механическим нагромождением серых тем в порядке ударного перевыполнения бездарных заданий.

Дифференцированный подход к МСВ требует обновления их трактовки в пунктуационном, количественном, стилистическом и структурно-семантическом аспектах.

В характеристике МСВ исследователи, прежде всего, ориентируются на самое очевидное — специфику их пунктуационного оформления. В одном МСВ В. В. Набокова может сочетаться несколько пунктуационных знаков:

Как я уже говорил, он появлялся у нас в деревне только летом (помню не больше двух-трех заграничных с ним встреч), и сквозь этот-то жаркий перелив в дорогом камне минувшего времени мне теперь и представляется он — вот опустился на ступень веранды для еще одного снимка (как любили сниматься тогда, как пытались задержать уходящее!) и сидит с тенью лавров на белой фланели штанов, с руками, сложенными на набалдашнике трости, с солнцем на выпуклом, веснушчатом лбу в ореоле далеко назад сдвинутого канотье.

Однако знаки конца (точка, многоточие, вопросительный и восклицательный знак) не всегда свидетельствуют о возможности интерпретации МСВ как предложения. Точнее говорить о пунктуационно-графической аранжировке [9] текстовых реализаций предложения или различных явлений текста.

Интерес к МСВ всегда был связан с определением зависимости его объема от стилистических и жанровых параметров текста. Анализируя стиль В. В. Набокова, рецензенты отмечали, что «он всегда стремится расширить сказанное за счет добавления не относящихся к делу историй и другой дополнительной информации. В результате его предложения разбухают <...> и часто создается впечатление, что сюжет движется не прямо, а как-то боком» [10, с. 624].

Функционирование МСВ в повести В. В. Набокова «Другие берега» сопряжено с темой памяти, с образом Мнемозины. Память, представляя собой «прослойку зри-

тельных впечатлений», делает МСВ политематичными, повествование разворачивается нелинейно, с лакунами и актуализированными переходами из одного пространственно-временного плана в другой, с переключениями из внешнего, событийного мира во внутренний мир лирического героя.

МСВ большого объема, состоящее из 266 предикативных частей, является способом развертывания рассказа В. Пелевина «Водонапорная башня». По мнению Г. Н. Акимовой, этот «синтаксический нонсенс» является предложением [1]. Возможна и другая его интерпретация — в качестве представления текста в «образе» предложения, который априорно присутствует в сознании автора и читателя.

Отметим, что в ряде лингвистических работ, посвященных изучению авторского синтаксиса, приметой которого является МСВ, например, в монографии Е. И. Иванчиковой «Синтаксис художественной прозы Достоевского» [3], не анализируются (за некоторыми исключениями — см. С. Г. Ильенко [4]) особенности их диалектической соположенности с лаконичными высказываниями.

В результате многочисленных исследований сформировалось представление об МСВ как о структурно-семантическом единстве, своеобразии которого выражается не только в количестве предикативных частей, но и в разнонаправленности их связей, в синкретизме семантики и др. Однако современный подход к синтаксической единице не может быть статичным: он предполагает не только структурно-семантическую характеристику, но и анализ ее поведения в тексте.

Структурно-семантический подход на современном этапе изучения МСВ должен быть дополнен коммуникативно-структурным. В этом случае должна рассматриваться их роль в осуществлении взаимодействия автора, читателя и персонажа, в выражении текстовых категорий, автономных и неавтономных функций, в формировании и структурировании текстовой зоны [4].

Выход в текст предполагает также обращение к концепции функционально-композиционных типов речи [5].

В повести В. В. Набокова развертывание МСВ ориентируется, прежде всего, на а) демонстрационный тип речи (ДТР) и б) информационный тип речи (ИТР), ей не столь свойственны объемные сентенции:

(а) *Мать ведет меня к лестнице за руку, и я отстаю, пытаюсь ехать за нею, шаркая и скользя по плитам зала; смеясь, она подтягивает меня к балюстраде; тут я любил пролезать под ее заворот между первым и вторым столбиком, и с каждым летом плечам и хребту было теснее, больше: ныне и призрак мой, пожалуй бы, не протиснулся;*

(б) *Он с нами ездил в Германию в 1910 году, после чего я поступил в Тенишевское Училище, а брат — в Первую Гимназию, и Ленский оставался помогать нам с уроками до 1913 года.*

ДТР ориентирован на динамическое изображение наблюдаемого, детализированный показ действительности, высокую степень плотности процессуального и предметного ряда [5, с. 459].

ИТР связан с рассказом о действительности, в котором время истории заведомо больше времени текста. Развертывая ИТР, автор ориентируется как на модель сложного синтаксического целого, так и на модель сложного тематического целого, нередко имитируя бесконечную цепь нанизывающихся высказываний в спонтанной устной речи [5, с. 459]. В. В. Набоков пытается уместить если не целую жизнь, то ее огромную часть в одном МСВ:

Карлтон тогда еще только строился, и суждено было пройти тридцати шести годам до того, как генерал МакКроскей займет королевские апартаменты в Отель дю Пале, построенном на месте того дворца, где в шестидесятых годах невероятно изгибчивый медиум Daniel Home был пойман, говорят, на том, что босой ступней («ладонью» вызванного духа) гладил императрицу Евгению по доверчивой щеке.

Таким образом, несмотря на то, что в русистике накоплен значительный опыт интерпретации МСВ, каждый из её аспектов обладает перспективами дальнейшего исследования в классическом и современном тексте, расширяет представление об их коммуникативно-структурном потенциале и его реализации, а также о синтаксических особенностях стиля В. В. Набокова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Акимова Г. Н.* Новое в синтаксисе современного русского языка. М.: Высшая школа, 1990. 168 с.
2. *Гаврилова Г. Ф.* Усложненные сложные предложения в системе других синтаксических конструкций: На материале современного русского литературного языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1981. 45 с.
3. *Иванчикова Е. А.* Синтаксис художественной прозы Достоевского. М.: Наука, 1979. 288 с.
4. *Ильенко С. Г.* Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. 398 с.
5. *Ильенко С. Г.* Русистика: Избранные труды. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. 674 с.
6. *Калашникова Г. Ф.* Многокомпонентные сложные предложения в современном русском языке. Харьков: Вища школа, 1979. 159 с.
7. *Мартъянова И. А.* Функционирование синтаксических единиц в современной русской прозе // Вестник Череповецкого государственного университета, 2012. № 1(39). Т. 2. С. 79–82.
8. *Уханов Г. П.* Сложные полипредикативные предложения. Калинин: Изд-во КГУ, 1981. 167 с.
9. *Шубина Н. Л.* Пунктуация в коммуникативно-прагматическом аспекте и ее место в семиотической системе русского текста. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1999. 298 с.
10. *Field J. C.* The Literary Scene: 1968–1970 // *Revue Des Langues Vivantes*. 1971. Vol. 37. № 5. P. 621–624.

REFERENCES

1. *Akimova G. N.* Novoe v sintaksise sovremennogo russkogo jazyka. M.: Vysshaja shkola, 1990. 168 s.
2. *Gavrilova G. F.* Uslozhnennye slozhnye predlozhenija v sisteme drugih sintaksicheskikh konstruksij: Na materiale sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka: Avtoref. diss. ... filol. nauk. L., 1981. 45 s.
3. *Ivanchikova E. A.* Sintaksis hudozhestvennoj prozy Dostoevskogo. M.: Nauka, 1979. 288 s.
4. *Il'enko S. G.* Kommunikativno-strukturnyj sintaksis sovremennogo russkogo jazyka. SPb.: Izdvo RGPU im. A. I. Gertsena, 2009. 398 s.
5. *Il'enko S. G.* Rusistika: Izbrannye trudy. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2003. 674 s.
6. *Kalashnikova G. F.* Mnogokomponentnye slozhnye predlozhenija v sovremennom russkom jazyke. Har'kov: Vishcha shkola, 1979. 159 s.
7. *Mart'janova I. A.* Funktsionirovanie sintaksicheskikh edinits v sovremennoj russkoj proze // *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012. № 1(39). Т. 2. S. 79–82.
8. *Uhanov G. P.* Slozhnye polipredikativnye predlozhenija. Kalinin: Izd-vo KGU, 1981. 167 s.
9. *Shubina N. L.* Punktuaitsija v kommunikativno-pragmaticheskom aspekte i eje mesto v semioticheskoj sisteme russkogo teksta. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 1999. 298 s.
10. *Field J. C.* The Literary Scene: 1968–1970 // *Revue Des Langues Vivantes*. 1971. Vol. 37. № 5. p. 621–624.